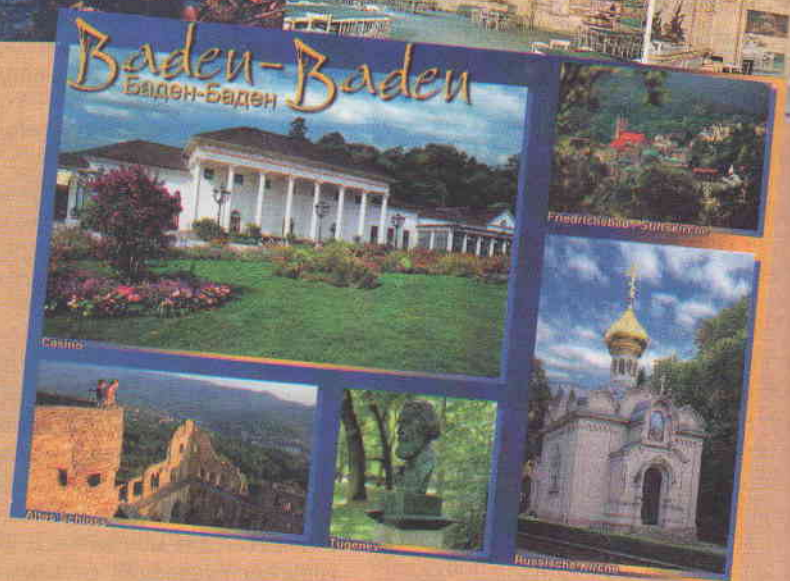

12 июня празднует юбилей известный краевед и литератор Нина Ивановна Васильева, постоянный автор журнала «Мономах». Редакция журнала поздравляет Нину Ивановну с днем рождения и желает долгих лет жизни и плодотворной работы на благо малой родины. Представляем читателям материал Нины Васильевой, посвященный райскому месту, которое служило творческому вдохновению русских классиков и особо было любимо Иваном Гончаровым. «Посетив впервые Баден-Баден в 2004 году, я занялась сбором материалов об этом городе, который, конечно, не оставил меня равнодушной ни к его истории, ни к красоте этих незабываемых мест», – написала в редакцию Нина Ивановна.

Н.И. Васильева во время прогулки на аллее Лихтендалер

Баден-Баден – это райский уголок

Так писал о нём Василий Жуковский. Уже одно только название этого города пробуждает в каждом из нас неосознанное чувство прекрасного, связанного с новыми открытиями и приятными впечатлениями, которые способны оставить в памяти светлые воспоминания. Как говорил Н.М. Карамзин, «путешествие питательно для духа и сердца нашего».

«Недаром ещё у древних необходимым условием усовершенствованного воспитания считалось путешествие, – писал Иван Александрович

Гончаров. – У нас оно сделалось роскошью и забавою. Пожалуй, без приготовления, да ещё без воображения, без наблюдательности, без идеи, путешествие, конечно, только забава. Но счастлив, кто может и забавляться такою благородною забавою, в которой нехотя чему-нибудь да научишься!» И не только научишься, но и пополнишь свои впечатления, которые непременно захочется выразить в письмах или дневниках. Давайте же посмотрим на прославленные места Баден-Бадена и его великолепные окрестности глазами тех, кто оставил

свои воспоминания об «этом райском уголке».

«Вот уже четыре недели я нахожусь в одном из прекраснейших мест на земле! – писала императрица Елизавета Алексеевна (1779–1826), принцесса Баденская, супруга Александра I, в августе 1814 года. – Ландшафт может пленить даже тех, кто уже видел много очень красивых мест. Это моё второе пребывание: очень недолго мы были здесь ещё в июне месяце, но не хватит и целого года, чтобы по-настоящему узнать все красоты этой местности. Я была рада жить в

старом замке, все этажи которого украшены семейными портретами. Замок стоит на горе, а над нашими головами, на горе еще выше, видны руины другого замка. Это настоящая колыбель моей семьи, окруженная скалами и древними дубами! У наших ног, в долине, как в амфитеатре, лежит небольшой городок Баден, а мы плывем на парах его горячих источников и тех, которые создают для отдыхающего общества легкую жизнь».

Развалины старого замка

Баден-Баден издавна славился как один из лучших курортов Европы, привлекая представителей высших слоёв общества и людей, имеющих возможность насладиться красотой этих мест.

В 1814 году Баден-Баден стал местом посещения генералов, возвращающихся в Россию после Венского конгресса и окончательного разгрома Наполеона. Здесь побывали 16 генералов императорской гвардии в сопровождении своих адъютантов, среди которых был прославленный граф Михаил Богданович Барклай де Толли (1761–1818), получивший после взятия Парижа чин фельдмаршала. Был здесь и граф Михаил Андреевич Милорадович (1771–1825), который в дни Декабрьского восстания был смертельно ранен. Пребывал в этом городе в 1814 году и Павел Иванович Пестель (1793–1825), ставший впоследствии одним из руководителей восстания декабристов.

Кругом благоухает радость,

И средь улыбчивых картин

Зеленых рощей блещет младость

В виду развалин и седин.

П.А. Вяземский

Прочную славу и известность Баден-Бадену обеспечили русские писатели и поэты, известные деятели

культуры и науки, постоянно проживая в нём или пребывая некоторое время в «летней резиденции Европы», и впоследствии оставив свои воспоминания об этих удивительных по своей красоте местах.

В 1827 году останавливается в Баден-Бадене **Василий Андреевич Жуковский** (1783–1852) вместе с господином статским советником Александром Ивановичем Тургеневым (1784–1845). Тогда Жуковский вряд ли предполагал, что последние годы своей жизни он проведёт вместе с семьей в Баден-Бадене, где завершит свой главный труд – перевод «Одиссеи» Гомера. «В 68 лет не до славы; но весело думать, – писал он, – что после меня останется на Руси твердый памятник, который между внуками сохранит обо мне доброе воспоминание». 15 февраля 1852 года он посылает из Баден-Бадена «милому Вяземскому» вместо письма текст новой элегии «Царскосельский лебедь». В ответ Пётр Андреевич с нежностью писал: «Ах ты, мой старый лебедь, прашур лебединый, да когда же твой голос состарится? Он всё свеж и звучен как прежде. Не грешно ли тебе дразнить меня своими песнями, меня, старую кукушку, которая день и ночь только все кукует тоску свою. Стихи твои прелестны... «Лебедь» твой чудно хорош».

Вяземский находился в Париже, предполагая встретиться со старым и верным другом, с которым они не делились десять лет. Но встреча эта так и не состоялась. 12 апреля 1852 года отошел в жизнь вечную Василий Андреевич Жуковский. Умер он в замке «Palais Kleinmann», о чём напоминает небольшая мемориальная доска, установленная на этом здании, возле которого можно постоянно видеть почитателей его таланта. Жуковский был похоронен в Баден-Бадене, но уже в августе 1852 года его прах был перевезён в Александровскую лавру Петербурга и погребён близ могилы своего наставника и друга Н.М. Карамзина.

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852) не раз бывал в Баден-Бадене. Оказавшись впервые здесь в 1836 году, он неожиданно встретил здесь свою «музу» – Александру Осиповну Россет-Смирнову (1809–1882). «Я живу теперь в знаменитом курорте Баден-Баден, – писал он своей матери 14 августа. – Хотел здесь остано-

виться на три дня, но уже три недели не могу вырваться отсюда. Встретил здесь достаточно много знакомых. Здесь нет никого, кто был бы серьезно болен. Все приезжают сюда, чтобы развлечься. Расположение города прекрасно. Магазины, курзал, театр – всё находится в саду. Почти никто не задерживается у себя в отеле, все сидят целый день за маленькими столиками под деревьями».

В мае 1844 года Жуковский писал Гоголю из Франкfurта-на-Майне, куда он только что переехал с семьей: «...вы же пока живите в Бадене; там хорошо: сторона Божия, народу для наблюдения довольно, уединение для работы есть, с ним и свобода; а впереди Франкфурт и работа наша совокупная».

В последние годы Гоголь неизменно пользовался добрым отношением Жуковского, его искренним желанием облегчить страдания писателя и оградить его от непонимания окружающих. Жуковский поддерживал Гоголя и материально. Узнав о его смерти, Жуковский писал в марте 1852 года П.А. Плетневу, что «для нашей литературы он потеря незаменимая».

Князь Петр Андреевич Вяземский (1792–1878) впервые посетил Баден-Баден, так много значивший в его жизни, лишь в 1854 году. Этот город был связан для него с горестными и скорбными воспоминаниями. Здесь 22 ноября 1840 года умерла его семнадцатилетняя дочь, Надежда Вяземская (1822–1840). Вера Фёдоровна, опасаясь за здоровье мужа, долго не могла сообщить в Россию о смерти Наденьки и вынуждена была просить об этом Жуковского. А Вяземский, продолжая надеяться и творить молитвы, писал в Баден-Баден нежные письма дочери. Оказавшись в Баден-Бадене, Вяземский «познакомился с могилкою Наденьки и был в комнатах, где жил и скончался Жуковский». И когда вышел из дома, где жил и умер на Софиентштрассе его друг, появилась неожиданно мысль, воплотившаяся позднее в строки, которые окажутся пророческими:

Уж если умереть мне на чужбине,

Так лучше здесь,

в виду родных могил:

Здесь я нашел,

чем скорбь жила донны,

Здесь я не раз заочно слезы лил.

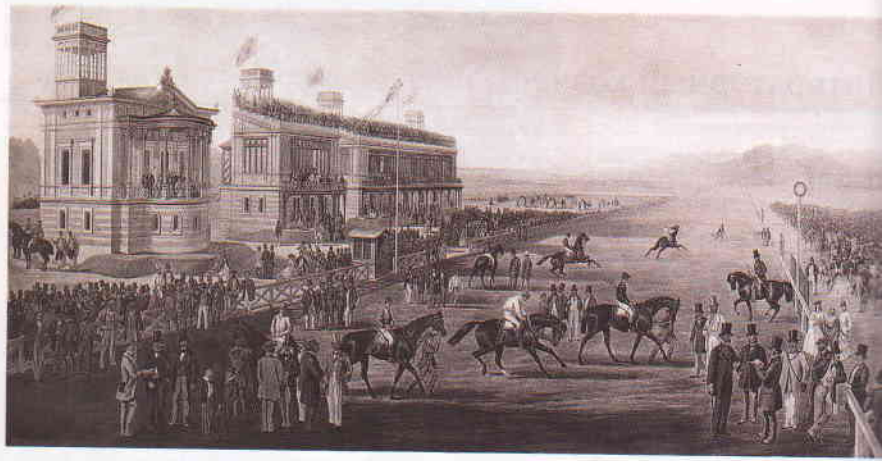
10 ноября 1878 года закончилась земная жизнь поэта в отеле «Beausejour». На панихиде присутствовали все находившиеся в Баден-Бадене русские во главе с принцессой Марией Максимилиановной. Жена Вяземского Вера Фёдоровна чувствовала себя очень плохо, с трудом выстояла службу, но нашла в себе силы проводить поезд, который увозил в Россию гроб с телом мужа и прах Надежки Вяземской, погребённой в Бадене 38 лет назад. Князя Петра Андреевича Вяземского похоронили недалеко от его ближайших друзей и наставников – Карамзина, Жуковского, Баратынского, Козлова, Крылова, Гнедича и Плетнева.

В 1886 году рядом с мужем и дочерью упокоилась и Вера Федоровна, дожившая до девяноста шести лет. Она тоже умерла в Баден-Бадене. На надгробном камне Вяземских – слова из Нагорной проповеди: «Блаженны милостивии, ибо те помилованы будут». И ещё надпись: «Господи, помилуй нас!»

Иван Александрович Гончаров (1812–1891) писал: «В Баден-Бадене... я провел несколько приятных дней, благодаря сообществу Тургенева и Боткина. Эти дни будут самыми приятными во всей моей поездке».

Воспоминания о впечатлениях во время пребывания в Баден-Бадене в 1866 году сохранились в письмах Гончарова к Ольге Алексеевне Новиковой (1840–1925). «Однако не побывать Вам в Баден-Бадене нельзя. Вы много потеряете, – писал Иван Александрович из Парижа 15/27 июля 1866 года. – Это – прелесть во всех отношениях. Вы найдёте бездну знакомых, отличный оркестр, театр, концерты – всё. И местность, а особенно воздух восхитительны. Только теперь

наступает баденский сезон – и Вы заранее дайте туда знать, чтобы Вам оставили комнаты в hotel de l'Europe, или в hotel d'Angleterre или наконец в hotel de Russie, а то набьётся публики на скачки, и тогда можно встретить затруднение».

В небольшом отрывке письма Ивана Александровича Гончарова Баден-Баден предстает как город, в котором непременно надо побывать, чтобы насладиться чарующей прелестью летней столицы Европы, обещающей массу приятных впечатлений, встреч, новых знакомств. Тон этого письма показывает, что Иван Александрович, находясь в Бадене, пребывал в прекрасном настроении, наслаждаясь отдыхом в одном из самых благословенных мест Европы. Он охотно делится впечатлениями с Ольгой Алексеевной Новиковой, знакомство с которой относится к началу 1860-х годов. Интенсивность их переписки приходится на летние месяцы 1866 года, когда они одновременно оказались в Мариенбаде.

В мае 1866 года Гончаров, получив заграничный отпуск для лечения на четыре месяца, отправляется в путешествие, и уже 6 июня останавливается в полюбившемся ему Мариенбаде, где в 1857 году с удивительным вдохновением были им написаны страницы романа «Обломов». Оказалось, что в Мариенбаде находилась на отдыхе и Ольга Алексеевна. «Я ропщу и хохочу над собой, – пишет он 15/27 июня Тургеневу, – вместе с несколькими, живущими здесь соотечественниками и соотечественницами, между прочим и с Ольгой Алексеевной Новиковой, от которой я сегодня узнал, что Вы в Бадене. Она страстная Ваша поклонница, и я Вас с завистью с этим поздравляю». В письмах к Тургеневу Иван Александрович отзывается о ней как об умной и занимательной собеседнице, сообщая, что он с удовольствием встречается с нею и в хорошую погоду бывает даже болтлив.

Ольга Алексеевна Новикова (1840–1925), урождённая Киреева, писательница-публицист, переводчица. В 1860 году она вышла замуж за Ивана Петровича Новикова, генерал-лейтенанта, бывшего попечителя учебного округа в Москве, а с 1885 года – в Петербурге.

С 1876 года Ольга Алексеевна по долгу живёт в Лондоне. Обаяние «русской Лорелеи», как её называли в Англии, способствовало её авторитету среди выдающихся политических деятелей и журналистов. Благодаря Ольге Алексеевне в Европе сложилось «мнение о русских дамах, как превзошедших всех других своей интеллектуальностью и познаниями, – писал английский журналист В. Стэд, – искусно соблюдающих при том осторожность в отношениях с иностранцами, что должно делать их услугу неопределимой для отечества».

В своём салоне Ольга Алексеевна ведёт агитацию за англо-русское сближение, являясь фактически представителем политических интересов русского правительства. Премьер-министр Великобритании Биконсфилд Дизраэли имел все основания назвать Ольгу Алексеевну Новикову «депутатом от России в Англии». Эти слова о ней стали заглавием книги В. Стэда.

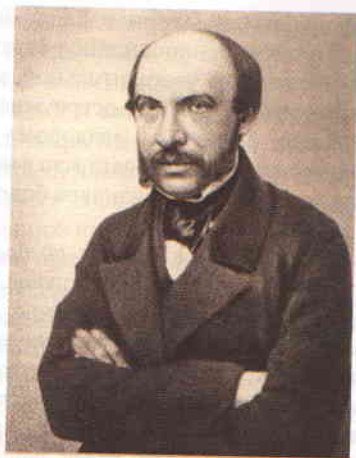
Ольга Алексеевна Новикова – автор нескольких книг и многих статей, посвящённых англо-русским отношениям. Характерна её запись в альбоме А.Ф. Онегина-Отто, создателя первого музея А.С. Пушкина в Париже, оставленная ею в 1911 году: «Англия – учит, как жить следует, Франция – как жить не следует; Россию же надо страстно любить, не смущаясь временным затмением её политического солнца».

Благодаря Ольге Алексеевне, сохранившей письма Гончарова, мы имеем возможность знать, как проводил время в Баден-Бадене наш любимый писатель.

«...спешу сказать Вам несколько слов о Баден-Бадене, – писал **И.А. Гончаров** из Парижа 15/27 июля 1866 года. – Мы провели там приятнейших пять, шесть дней: Боткин, Егор Петрович Ковалевский, Тургенев (или лучше он) и я, каждый день вместе завтракали гуляли за городом, сидели у развлекательного – всё это по утрам. В три часа мы все шли играть в рулетку, разумеется, умеренно, шая, потом он от нас исчез и оставался невидим и неуловим – до следующего утра. Таков он и со всеми. Я сказал ему, что, может быть, Вы будете там, он отвечал, что жалеет, что не будет видеть Вас часто. Боткин был допущен в святилище, как старый знакомый, и наслаждался там дружбой и милым обществом. Я видел все лица всю группу и завидовал счастью Ивану Сергеевичу, видя, как ему тут хорошо живётся в кругу любимого им семейства, до того любящего, что собственно в Баден-Бадене всякая женщина должна отказаться от надежды на его внимание, кроме самого незавидного и обыкновенного. *Avis aux lectrices!* (Предупреждение читательницам!)»

Да судя по тому, как он наслаждается жизнью в своем любимом кругу и месте, я думаю, что он и не в Баден-Бадене, а везде – если б и уклонился невольно в сторону, то только разве для развлечения, из кокетства и шалости, а что удержит его, овладеть им – ни в чьей власти. У него есть свой мир, свой авторство и царица – и он будет всегда там».

Этот пространный отрывок из письма помогает представить, какие это были прекрасные дни в жизни Гончарова, наполненные общением с людьми, которых объединяла любовь к литературе, искусству, путешествиям.

Василий Петрович Боткин (1811–1869) был давним знакомым Ивана Александровича. Именно он окажется в кругу первых слушателей романа Гончарова «Обломов». В 1857 году, ещё не дописав в Мариенбаде заключительные главы романа, но понимая, что главный труд его завершён, Иван Александрович отправляется в Париж: он хочет услышать мнение о своем романе и его главном герое.

Поселившись в отеле, Гончаров узнает, что здесь же проживают господин Афанасий Фет, у которого накануне была свадьба, и господин Боткин. О слушании романа известили Ивану Сергеевичу Тургеневу, который находился в предместье Парижа. Во время чтения ни Тургенев, ни Боткин не скрывали своих эмоций. Все в один голос предвещали роману громкий успех, что и произошло впоследствии.

Гончаров и Боткин часто встречались в Париже, где каждая встреча обещала интересное и полезное общение.

Василий Петрович Боткин – писатель критик, переводчик – был внуком крепостного крестьянина, старшим сыном богатого московского чаоторговца. Свыше 30 лет находился в самой гуще литературной жизни, и все писатели и поэты считали его лучшим ценителем их произведений. Отзывы Боткина о произведениях были всегда тонкими и во многом верными. «Какая прелесть «Записки охотника», – писал он. – Какой артист Тургенев! Я читал их с таким же наслаждением, с каким, бывало, рассматривал золотые работы Челлини».

Правнук Василия Боткина, Константин Мельник-Боткин, писал: «Мой прадед Василий Петрович был

чрезвычайно добрым и чутким человеком. Блестящий критик того времени, переводчик с пяти иностранных языков, он буквально притягивал к себе. К нему, как пчелы на мёд, летело всё талантливое и даже гениальное». Умер Василий Петрович Боткин в 1869 году, завещав 70 тысяч рублей на научные и художественные учреждения. Собрание сочинений его вышло в трёх томах в 1890–1893 годах.

Другой собеседник и приятель И.А. Гончарова, с которым писатель проводил дни отдыха в Баден-Бадене, – **Егор Петрович Ковалевский** (1809/1811–1868), русский путешественник, горный инженер, писатель, член-корреспондент и почетный член Петербургской Академии наук. Егор Петрович был близок Гончарову своими интересами, неутомимыми путешествиями, о которых им были написаны книги. Он известный автор очерков о поездках в Среднюю Азию, по Южной Европе, Восточной Африке и Восточной Азии. Его главным трудом считается многотомное сочинение «Странствователь по суше и морям», где Ковалевский описал свои впечатления от путешествий и своих открытий. Большой интерес представляет также книга Ковалевского «Граф Блудов и его время. Царствование императора Александра I» (СПб., 1866).

Егор Петрович Ковалевский принимал участие в Крымской войне (1853–1855), в том числе в обороне Севастополя. Он был одним из членов-основателей общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд) и до самой смерти бессменно состоял его председателем.

Умер Егор Петрович Ковалевский в 1868 году. Для Гончарова неожиданный уход одного за другим известных и уважаемых им людей был, несомненно, событием горестным, к тому же они были ровесниками. И это лишний раз заставляло писателя задумываться о том, что жизнь слишком скоротечна.

6 августа 1866 года Иван Александрович Гончаров пишет из Парижа Ольге Алексеевне, вспоминая опять дни, проведенные в Баден-Бадене: «Наконец, Вы в Баден-Бадене, где я провел несколько приятных дней, благодаря сообществу Тургенева и Боткина. Эти дни будут самыми приятными во всей моей поездке».

Читая эти отрывки из писем Гончарова, радуешься, что между двумя известными писателями царят добрые и уважительные отношения друг к другу, которые, как известно, были не всегда.

Дальше Иван Александрович высказывает совсем другие по настроению мысли: «Впереди, кроме скуки, ничего не предвидится, а теперь еще навязалась какая-то особенного рода тоска, похожая, сколько я могу припомнить молодость, на любовную тоску. Ничто не занимает, никого видеть не хочется, и как-то весь раскис до того, что лень даже выехать отсюда, а надо ехать в *Voilogne sur mer*, к морским купаньям, куда я завтра или послезавтра, наконец, и выеду».

Рассказывая о своих планах и планах В.П. Боткина, Гончаров снова

возвращается мыслями в Баден-Баден. Его письмо, наполненное картинами беспечной увеселительной курортной жизни, блещет остроумием, наполнено всяческим «вздором» и желанием убедить адресата, что в нем давно нет «никаких признаков бодрости и жизненности».

«Итак, Вы – в Бадене: поздравляю Вас! Не правда ли, там хорошо, во всех отношениях хорошо? Конечно, Вы начали с того, что со всеми в первые четверть часа перезнакомились, окружены всем, что есть умного, блестящего, известного? Баденская променада представляет более обширное поприще для успехов всякого рода, и бедный *Marienbad* побледнел – перед своим опасным соперником, как мы все, Ваши *марьенбадские* спутники, исчезли в блеске лучей баденских светил.

Но я все-таки рад, что Вы в Баден-Бадене, за Вас рад! Быть «перлом» Бадена – лучше, нежели *Марьенбада*, и труднее, конечно, но Вы одолеете и тем больше славы для Вас. Вы, может быть, опять скажете, что я смеюсь: нет, куда мне смеяться! Я одной ногой стою в гробу – мне не до смеха! Понесу тоску свою на морской берег и знаю, что без успеха. Волною морскою не смоешь старости и опущенности, в которой Вы почему-то сомневаетесь, хотя Вы, конечно, не заметили во мне никаких признаков бодрости и жизненности. Я пассивно переносюсь с места на место и, переходя на вторую половину своего отпуска, начинаю понемногу оживать лишь при мысли, что не-

далек срок возвращения к своим пенам, т. е. к диванам и к единственному другу – Мимишке: я даже сокращаю этот срок и к половине сентября надеюсь быть дома. А там что? – спросите Вы; да тоже скука. Счастливы те, у кого есть симпатии, но к таким симпатиям надо иметь особую способность или способы. Это своего рода роскошь, которая не всем дается.

Но что я за вздор пишу! Это все от пожирающей меня скуки. Я начинаю приходить в отчаяние от того, что не скажу Вам умного слова. Так на роду мне написано – именно не сделать того, что одно и имеет только цену в Ваших глазах, т. е. быть умным. Вы даже способны влюбляться, как я заметил, исключительно в один ум: стало быть, от меня уже Вы спасены. В Бадене Ваш вкус в этом отношении удовлетворится вполне.

Прошу Вас поклониться Ивану Сергеевичу – а сами будьте уверены в моей преданности».

Тургенева в эти годы часто посещает в Баден-Бадене немецкий художник-иллюстратор и журналист Людвиг Пич, о котором Анненков писал, что он сделал главной задачей своей жизни распространение произведений Тургенева в своем отечестве. Людвиг Пич в своих воспоминаниях о Тургеневе написал и о впечатлении, которое произвел на него Баден-Баден: «Кто не бывал в этом краю долин и лесов, на берегу *Ооса* [название реки], в период его процветания, перед франко-прусской войной, тот не может верно представить себе привлекательности этой местности... Любители всевозможных развлечений, разнообразных туалетов и нарядов могли находить немало удовольствия в лицеизрении этой, составленной из представителей всех наций мира, маскарадной толпы, собиравшейся на летний сезон в Баден-Бадене и появлявшейся всюду, как в *конверсационсгаузе* (пансионат), так и в величественных руинах замка *Пфурцгейма*. Весь шум и блеск этого своеобразного мирка не в состоянии был нарушить тишину *Лейвальдских* долин, выходящих прямо на *Лихтентальскую* аллею, и лесистых высот, опьяняющих своим благоуханием».

Читая воспоминания о днях, проведенных в Баден-Бадене, замечаешь одну особенность: все непременно упоминают о посещении развалин старого замка.

Курорт Баден-Баден в XIX веке

Старый замок Хохенбаден был первой резиденцией маркграфов фон Баден. Строительство его началось в 1102 году, а в XIII и XIV веках он постоянно расширялся и благоустраивался. В замке насчитывалось около ста комнат, светлых, просторных, роскошно убранных. В конце XVI века пожар уничтожил большую часть замка. Восстанавливать замок не стали, лишь укрепили и законсервировали то, что осталось от пожара. С 1976 по 1978 годы была проведена реставрация центральной башни, откуда открывалась прекрасная круговая панорама Баден-Бадена и его окрестностей.

Открытое в 1838 году казино и ставшее Баден-Баден «летней резиденцией Европы», привлекало многих возможностью попытаться счастья «на зеленом столе» за рулеткой. В 1857 году среди посетителей казино оказался Лев Николаевич Толстой (1828–1910). В первый день он просидел за рулеткой с утра до вечера, а на следующий день проиграл всё. Занял денег у своих друзей – Полонского и Боткина. Результат был тот же. Деньги великодушно данные Тургеневым займы, не спасли Толстого. Ему пришлось заносить в дневник одну и ту же фразу: «Проиграл всё!»

С таким же результатом возвращался постоянно и Федор Михайлович Достоевский (1821–1881), автор романа «Игрок», в котором он показал неудержимую страсть к игре в рулетку, которая всецело овладевает человеком и подчиняет себе все его мысли и желания: «В одиннадцатом часу у игорных столов остаются настоящие, отчаянные игроки, для которых на водах существует только одна рулетка, которые и приехали для неё одной, которые плохо замечают, что вокруг них происходит, и ничем не интересуются во весь сезон, а только играют с утра до ночи и готовы были бы играть, пожалуй, и всю

ночь до рассвета, если б можно было. И всегда они с досадой расходятся, когда в двенадцать часов закрывают рулетку. И когда старший крупер перед закрытием рулетки, около двенадцати часов, возглашает: «Les trois derniers coups, messieurs!» (Три последних игры, господа!), то они готовы проставить иногда на этих трех последних ударах все, что есть у них в кармане, – и действительно тут-то наиболее и проигрываются».

Балкон квартиры, где жил Федор Михайлович Достоевский, украшает бюст писателя с изображением его романа «Игрок».

В настоящее время в казино в утренние часы проводятся экскурсии, где каждый желающий может познакомиться с роскошно оформленными просторными залами, поражающими богатством отделки, великолепными картинами, прекрасной мебелью.

Неудивительно, что, оказавшись в Баден-Бадене, связанным так тесно и неразрывно с русской культурой, испытываешь желание как можно больше увидеть, запечатлеть, напитаться атмосферой праздника, которая постоянно царит в этом городе.

В 2003 году в Баден-Бадене прошла выставка ульяновского художника Петра Владимировича Попова «Пятьдесят мгновений одного художника», вызвавшая необычайный интерес и прошедшая с большим успехом. Местная пресса сообщала: «Русскому художнику удалось удивительно точно изобразить великолепие предгорий Альп южной Германии, понять душу, характер и желания местного населения».

Полдень в Баден-Бадене посвящался встречам на Лихтентальской аллее, которая считалась самой роскошной аллеей, называемой «зелёным» салоном, главным украшением которой были вековые деревья. Эта прекрасная аллея, по которой по-

стоянно прогуливались отдыхающие, приводила к монастырю в Лихтентале. Об этих местах упоминает с сожалением Гончаров в письме к Тургеневу от 10/22 февраля 1868 года: «Как бы я желал опять совершить свое обычное путешествие на воды, потом походить в Лихтентале и покупаться в море, но боюсь, что и эта нега кончилась для меня навсегда...»

На Лихтентальской аллее установлен скромный памятник Ивану Сергеевичу Тургеневу.

Состоявшееся примирение с Тургеневым просматривается в письме Гончарова из Парижа от 15/29 сентября 1866 года: «Не могу уехать из-за границы, не простившись несколькими строками с Вами, любезнейший Иван Сергеевич. Мы с Боткиным надули Вас, обещавшись приехать провести последние недели сезона в Баден-Бадене: я – от лени передвигаться взад и вперед с своим чемоданом, а он, я думаю, от лени – вообще. Я, пробыв месяц в Булони, проштатался без толку ещё недели три здесь, изучая Пале-Рояль, потому что, по причине непрестанных дождей, некуда было больше деться. Наконец после завтра я уезжаю домой...»

Знакомство с перепиской и пребыванием Ивана Александровича Гончарова в Баден-Бадене позволяет почитателям его таланта увидеть город глазами писателя и поклониться его творчеству, где, как писал Дмитрий Мережковский, «всё огромное здание его эпопей озарено ровным светом его разумной любви к человеческой жизни».

Нина Васильева,
краевед